

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

I

Толковые словари национального языка — могучее орудие культуры речи и вместе с тем продукт этой культуры. Акад. И. И. Срезневский, которому мы обязаны составлением ценнейших «Материалов для словаря древнерусского языка», в свое время писал, что там, «где знание отечественного языка считается более необходимым, где, следовательно, лучшие составлены словари его, где писатели чаще к ним обращаются, там и литература, как искусство, стоит выше...»¹ Работа по составлению толковых словарей родного языка — важное национальное дело. Глубокое общественное сознание необходимости и ответственности этого дела выражается в живом интересе разных слоев народа к изданию толковых словарей и в повышенной требовательности к их внутренним достоинствам. В нашей стране, где накоплен огромный опыт в области составления национальных толковых словарей разных типов, общественные требования к качеству их особенно велики и настоятельны. Само собой разумеется, что руководящая и организующая роль в развитии и совершенствовании лексикографической работы в Советском Союзе должна принадлежать толковым словарям русского языка, особенно издающемуся теперь четырнадцатитомному академическому словарю². Между тем состояние работы по составлению этого словаря и качество выходящих в свет отдельных его томов не во всех отношениях могут удовлетворить как специалистов по русскому языку и по общей лексикографии, так и взыскательных читателей вообще. Поэтому представляется целесообразным, воспользовавшись недавним выходом в свет четвертого тома (а с этого тома облик всего словаря, освобождающегося от системы гнездового расположения слов, значительно изменяется), остановиться на некоторых больших и вместе с тем больших вопросах теории русской лексикографии. Ведь от чистоты, перенесенности главных теоретических проблем семасиологии и лексикографии во многом зависят основные недостатки наших толковых словарей³.

Естественно, что и ряду этих перенесенных вопросов первое место занимает проблема семантической структуры слова, или, лучше: семантической структуры разных типов слов того или иного языка. Для уяснения этой проблемы применительно к русскому толковому словарю необходимы многочисленные и разнообразные семасиологические исследования, посвященные углубленному анализу значений и способов употребления отдельных слов, а также семантически связанных, соотносительных или внутренне объединенных групп слов в современном русском языке. Построение статьи о смысловой структуре слова, о соотношениях и связях его значений, об исторически сложившихся условиях его фразеологического употребления, об устойчивых фразеологических оборотах, около него группирующихся, в Академическом словаре далеко не всегда является целесообразным и более или менее адекватным языковой «действительности».

¹ ИОРЯС, т. III, 1854, стр. 150—151.

² См. «Словарь современного русского литературного языка», М. — Л., Изд-во АН СССР: т. I — 1950; т. II — 1951; т. III — 1954; т. IV — 1955. В дальнейшем называем его просто: Академический словарь; ссылки на тома и страницы этого словаря даем в тексте в скобках.

³ См. О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, В. В. Иванов, О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии, ВЯ, 1956, № 3.

В последние годы у нас появилось много статей, посвященных проблеме слова, проблеме значения и понятия, но, к сожалению, большая часть этих статей оторвана от конкретного научно-исследовательского опыта, приобретенного в работе над изучением лексики того или иного языка в ее развитии, а также закономерностей истории семантического строя родственных и неродственных языков. Необходимо всерьез поопираться углубленные, аналитические исследования как семантической структуры слов современного русского языка во всем многообразии их употребления, так и сложных, разветвленных связей и взаимодействий семантических рядов слов в общей лексической системе данного языка. Самая методика выделения значений слова и их определения остается мало разработанной. В толковых словарях русского языка наблюдаются многочисленные недостатки и ошибки в определении значений слова, в принципах их разграничения, в характеристике форм и способов их связи, в анализе правил их фразеологической сочетаемости, в их стилистической квалификации.

Вот несколько наиболее типичных и показательных иллюстраций из вышедших томов Академического словаря:

а) В слове *бюст* выделяются два значения. Первое определяется так: «Скульптурное изображение верхней части человеческого тела, т. е. головы, шеи, плеч и части груди... *алебастровые бюсты великих гениев*». Второе значение формулируется на основе первого: «Верхняя часть человеческого тела до пояса». Но формулировка этого значения — неопределенная и неточная — явно противоречит смыслу тут же помещенных примеров его употребления. Из романа Гончарова «Обломов»: *Платье на ней [Пшеницыной] сидело в обтяжку. От этого даже и закрытый бюст ее, когда она была без платка, мог бы послужить живописцу или скульптору моделью крепкой, здоровой груди, не нарушая ее скромности* (Акад. словарь, т. I, стр. 735—736). Ср. франц. *бюсте* «бюст, грудь», нем. *Büsthälter*. «Бюстгальтер... Нателный женский лифчик; бюстодержатель» (там же).

б) При определении значения глагола *брезжить* в личном употреблении отсутствует указание на ограниченность семантической группы слов (*утро, заря, звезда, свет, рассвет, огонек*), с которыми только и возможно сочетание личных форм данного глагола. Поэтому и самая характеристика значения становится неточной и сомнительной: «Светать, распространять слабый свет в начале утра (перед восходом солнца, при заре)» (т. I, стр. 623). Здесь явно смешаны личное и безличное употребление глагола (хотя внешне они разделены). Вслед за этим отмечается «распространительное» применение глагола *брезжить*: «о слабом, мерцающем свете вообще». Все это даст лишь очень приблизительное представление и о значении, и об употреблении глагола *брезжить*. Так, характерно, что в значительной части иллюстраций из художественной литературы глагол *брезжить* последовательно сочетается с наречиями степени: *чуть, чуть-чуть, чуть еще, еще чуть* и т. д. С другой стороны, такие фразеологические сочетания, как *брезжит в поле огонек* (Жук. Светлана), *И асладочки в дали небесной брезжут* (Жук. Деревенский сторож) всегда предполагают особый контекст, особую ситуацию. Так, у Пушкина в «Песнях западных славян» (Янко Минавич):

*Вижу, воп, малый огонечек
Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою.*

Ср. у Чехова в «Степи» *брезжится* как синоним *брезжит*: *А ночь была темная, зги не видать, хоть не гляди вовсе. Прошелся я так немножко... и вижу — огонь брезжится.*

в) В глаголе *выживать* Академический словарь выделяет четыре значения, однако связь их друг с другом остается непонятной и непоказанной. Прежде всего возникает сомнение, не составляет ли *выживать* — *выжить* в четвертом (переходном) значении: «заставлять уйти откуда-либо; удалять, причиняя неприятности, преследуя», особого слова — омонима. Например: *Она мне уже давно надоела; я все не знала только, как ее выжить из дома. А. Остр. Лес... Пескастый [Ибрагим] отдал бы все на свете, чтоб только остаться с нею наедине; но граф Д., казалось, расположился у камина так спокойно, что нельзя было надеяться выжить его из комнаты. Пушкин. Арап Петра В. Трудно представить себе, какие семантические нити связывают это значение, например, с предшествующим (по порядку) непереходным значением *выжить* «остаться в живых (после тяжелой болезни, ранения и т. п.)». Примеры: *Кто бы мог сказать, что он [Корчагин] выживет? А он, смотрите, выцарапался в жизнь. Удивительно крепкий организм. Н. Остр. Как зак. сталь.**

*И могу вам сообщить
Из своей палаты,
Что, большой любитель жить,
Выжил я, ребята.*

(Твард. Василий Теркин)
(т. II, стр. 1031—1032).

Да и вообще связь и порядок значений в глаголе *выживать*, как они изображаются в Академическом словаре, не мотивированы и непонятны. В самом деле, с первого

взгляда представляется, что составители предпочли и выбрали исторический или генетический порядок размещения значений. На первое место выдвинуто малоупотребительное в современном литературном языке значение (переходное): «прожить известное время»: [Райский] *редко полгода выживал в Петербурге с тех пор, как оставил службу*. Гонч. Обрыв... *Вернувшись из-за границы, он [Павел Петрович] отправился к нему [брату] с намерением погостить у него месяца два, полюбоваться его счастьем, но выжил у него одну только неделю*. Тург. Отцы и дети. Однако ни стилистической квалификации этого значения (по сравнению со словом «прожить» оно — разговорное и несколько ироническое) ни примеров его употребления в современном русском языке нет. Грамматическая помета этого значения как «переходного» сомнительна. Ведь, кроме обстоятельственного сочетания с винительным временем, глагол *выжить* в этом значении не допускает никаких иных объектов. Далее идет характеристика второго значения (переходного) (синонимического с *пережить*): «Перенести, вытерпеть что-либо за время жизни где-либо, в каких-либо условиях». Единственный пример: *Горелкину удалось выжить, преодолеть все испытания плена и сохранить энергию и волю*. Б. Полев. Земляк. Пример — не из удачных, так как *выжить* здесь можно понять и в смысле «остаться в живых, сохранить жизнь». Да и сфера применения этого предполагаемого значения не раскрыта. Других иллюстраций нет. Сопоставление с другими толковыми словарями современного русского языка внушает очень большие сомнения в существовании этого значения. Так или иначе с данным значением, если бы оно существовало, пришлось бы связать эвнтисемическое (просторечное): «приобрести что за время жизни где-либо; выслужить, нажить». Пример из сочинений Ф. Решетникова: *Што она в городе-то выживет? чему научится? Еще пожалуй пельменницей, али калашницей сделается* («Тетка Опалиха»).

Менее ясен и мотивирован переход к следующему (3-му) непереходному значению: «Остаться в живых (после тяжелой болезни, ранения и т. п.)». Это значение скорее связывается с первым, чем со вторым. Но уже совершенно непонятны мотивы выделения в этом третьем значении такого фразеологически обусловленного оттенка: «Утратить умственные способности от старости, одряхления». И далее: «В выражениях. Выхит и ть из ума, из памяти — потерять память, способность соображения; выпадать в детство». Так, у Ф. М. Достоевского в «Дядюшкином сне»: *Старичок, если и не выжил еще из ума, то давно уже выжил из памяти и поминутно сбивается, повторяется и даже совсем замирается*. Точно так же не имеет прямой связи с значением «остаться в живых» и выражение: «выжить из лет». Например, *Я выжил из тех лет, когда умирают, проносясь имя своей любезной и завещая другу клочок напомаженных или ненапомаженных волос*. Лерм. Кн. Мери.

г) Некоторой параллелью к этой ассоциативно-произвольной семантической обработке глагола *выживать* может служить статья о слове *вымахивать*. И тут объединяются три совсем разных значения: Первое (переходное) — «махая, выгонять». Иллюстрация — из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова: *Вымажали муж из полоса, опустили его над бедущикой, подтыкали кругом края под перину*. Сюда же почему-то относится и такой оттенок значения: «выбрасывать стремительно, выпускать разом (о паре, дыме и т. п.)». Например: *Вдруг пароход выжно загудел над самым ухом Русанова, всемо вымакнули кверху высокую трубу пара*. Златовр. Скиталец (т. II, стр. 1103). Но можно ли *вымахать* и *вымакнуть* рассматривать как формы одного и того же глагола (ср. *выбросить* и *выбросить*, *вытолкать* и *вытолкнуть* и т. п.)? Еще хуже дело обстоит с характеристикой второго значения, которое признается одновременно и переходным и непереходным. В нем будто бы сочетаются два таких разных значения или оттенка значений: 1) «выхватывать с размаху» (*Петр вымакнул из горна пудовые клещи...* А. Н. Толст. Петр I) и 2) «стремительно выбегать, вылезать откуда-куда-либо» (*На лесу вымакнули четыре всадника...* Шишк. Ем. Пугачев; *пересекла речку в брод. Молодец лорд Байрон, так и вымакнул на крутой берег*. А. Н. Толст. Детство Никиты).

Очевидно, «второе» значение, вернее, «вторые» значения относятся только к глаголу *вымакнуть*, глагол же *вымахать* этих значений не имеет. Таким образом, незаметно смешаны или, вернее, перемешаны два различных слова и их значения. Что же касается третьего значения («просторечного»): «вырастать, становиться высоким», то оно связано с глаголом *вымахать*. При этом не вполне ясно, можно ли объединить это значение с первым значением *вымахать* («махая, выгонять») в одном слове. Например: *А как заросло!.. Какие дубы вымажали!* — говорил Мартымынов, оглядаясь вокруг потелевшими глазами. Фадеев, Посл. из удег¹. Итак, перед нами если не три, то во всяком случае два совсем разных глагола.

Естественно возникает законный вопрос: почему до сих пор у нас нет таких исследований по русскому глагольному словообразованию, в которых были бы выяс-

¹ Необходимо отметить, что в «Словаре русского языка, сост. Вторым отд-нием Имп. Акад. наук» (т. I, [под ред. Я. К. Грота], СПб., 1895, стр. 646) было указано еще одно значение глагола *вымахать*: «маханьем приводить в ослабление руки, ноги или крылья. *Бросая камни, вымазал руку* (ослабил или даже вывихнул). *Голубь вымазал крылья от долгого летания*».

нены связи и соотношения разных функций той или иной приставки в сочетании с одной и той же глагольной основой, с разными структурно-семантическими типами глагольных основ. Изучение этой проблемы имеет первостепенное значение для определения способов и закономерностей деривации глагольных основ. От решения данного вопроса зависит также понимание некоторых тенденций развития омонимии в системе производных глаголов с приставками в современном русском языке. Наконец, на этом же пути можно найти объяснение господствующих в современном русском языке приемов и принципов связи, взаимодействия и соотношения разных значений в семантической структуре глаголов, произведенных посредством приставок.

д) У глагола *выговаривать* в Академическом словаре отмечены три значения (первое — «высказывать», второе — «поставить условием, оговорить, что-либо в свою пользу при договоре, сделке и т. п.» и третье — «делать упрек... выговор»). Сразу же бросается в глаза, что видовые различия глагола при формулировке его значений игнорируются. Так, первое значение выражается при помощи глаголов несовершенного вида: «произносить, выражать словами что-либо, высказывать». В соответствующих формах приводятся и фразеология: *выговаривать мысль, правду и т. п., выговаривать все до конца и т. п. (но выговорить слово, выговорить свою душу)*. Не подлежит сомнению, что в Академическом словаре недостаточно четко разграничены два оттенка или аспекта этого значения у глагола *выговаривать*: «высказывать, выражать слова» и «передавать что-нибудь посредством разговорной звучащей речи с теми или иными качественными своеобразиями акцента, произношения». Пример из «Северных повестей» К. Паустовского: [Мари], видимо, с трудом подбирала слова и выговаривала их с сильным акцентом — должен быть помещен рядом с цитатой из Лажечникова («Немного лет назад»): [Француз де Гобуа] *изъясняется посредственно и по-русски, хотя и с иностранным акцентом и старанием выговаривать слова грамматически, по-книжному*.

Второе значение у глагола *выговаривать* — *выговаривать* определяется при помощи глаголов совершенного вида («поставить условием, оговорить что-либо в свою пользу при договоре, сделке и т. п.»), хотя среди иллюстраций его употребления встречается и форма несовершенного вида (см. приведенную в Словаре цитату из романа Мельникова-Печерского «В лесах»).

Третье же значение: «выговаривать кому-либо — делать упрек, замечание, выговор кому за что-либо» — вообще свойственно лишь формам несовершенного вида. Естественно возникает вопрос, не связано ли оно с омонимом, с особым словом *выговаривать*, соотносительным с именем существительным *выговор* (ср. выражения: *делать... сделать выговор и получить... получить выговор*). Вместо с тем при наличии синонимического параллелизма *выговаривать* — *делать выговор* нельзя не подумать и о стилистической оценке устаревшего разговорного глагола *выговаривать*. Ср. у Пушкина в «Капитанской дочке»: *Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне за беспокойство, причиненное всем моею ссорой с Швабриным*, и у Г. Поленого в «Повести о настоящем человеке»: *Стручков выскочил из кабинета возбужденный, ликующий... — Не машина — скрипка, ей богу скрипка, — шипел он, пербивая инструктора, выговаривавшего ему за лихачество* (т. II, стр. 990—991).

Естественно, что и под словом *выговор* также механически объединяются два слова-омонима: 1) *выговор* — «манера, способ произношения...» («украинский выговор», «хороший французский выговор», «пермский выговор», «недостаток в выговоре») и 2) *выговор* — «упрек, замечание, внушение» («выговор с предупреждением», «сделать строгий выговор» и т. п.).

Ошибки, типичные для толковых словарей русского языка при определении глаголов префиксального образования, углубляются тем обстоятельством, что у нас нет исследований по вопросу о соотношении и взаимодействии приставочных глаголов и такого же отглагольного именного словообразования. Так, например, в Академическом словаре у глагола *заговаривать* (в отличие от омонима *заговаривать*: «пробовать говорить, пытаться заводить разговор») отыскиваются два значения:

Первое — «утомлять, доводить до отупения продолжительным разговором, беседой». При таком значении у глагола *заговаривать* — *заговаривать* явно выделяется словообразовательная приставка *за-*. Так, у Пушкина в письме к брату (от 30 января 1823 г.): *Прощай, душа моя! если увидимся, то-то зацалую, заговорю и зачитаю*. Второе значение — «воздействовать на кого-, что-либо силой заговора с лечебной или иной целью (устар. быт.)». Это значение соотносительно с существительным *заговор*: например, *заговаривать кровь, зубную боль и т. п.* Очевидно, *заговорить* — *заговаривать* в этом значении и по своему морфологическому составу, словообразовательному строю и по смысловой структуре резко отличается от первого *заговорить* — *заговаривать* («донести до отупения разговором») и может рассматриваться только как его омоним. Очень показательно, что в Академическом словаре сделана своеобразная попытка связать или слить эти два омонима в одно слово при помощи примеров их каламбурного столкновения или сцепления, извлеченных из «Былого и дум» Герцена и «Доброго старого времени» Д. Н. Мамина-Сибиряка. У Мамина-Сибиряка читаем: *Он пустил в оборот тот бессмысленный набор фраз, какими утешают плачущих женщин. Женщины лю-*

бят, чтобы их так заговаривали, а смысл — это другое дело. У Герцена: *Гладстон заговаривал целые парламенты, университеты, корпорации, депутации, — мудрено ли было заговорить Гарибальди* (т. IV, стр. 351—352).

Не заметив каламбурной направленности этого словоупотребления (тут *заговорить* — *заговаривать* каламбурно совмещает и значение «вести до бесчувствия длинной речью, беседой» и значение «околовать, подействовать силою заговора»), составители IV тома Академического словаря сочинили новое значение слова *заговаривать*: «влиять силой речи на кого-либо, восхищая, убеждая и т. п.» (стр. 352). Комическая серьезность этого достижения трогает, но не убеждает. Она лишь демонстрирует слабость лексикографической практики, не опирающейся на надежное, тщательно разработанное семантическое учение о слове и законах словообразования.

В основе других существенных недостатков Академического словаря лежит смешение, неразличение разных типов значений и — как следствие этого — включение фразеологически замкнутых употреблений слова в систему его основных значений. Так, в слове *дело* выделено значение четвертое: «надобность, нужда» (т. III, стр. 678). Отмечается при этом, что это значение чаще реализуется в формах множественного числа. Но иллюстрируется оно лишь двумя совсем разнородными выражениями: *по делам службы и всем делом до меня*. В числе тех фразеологических оборотов, которые связываются с этим значением, нет ни одного, в котором слово *дело* стояло бы в формах множественного числа (*по делу, есть дело, нет дела, что за дело кому до кого, чего-либо и т. п., не твое, не ваше дело* и др. под.). Само собой разумеется, что слово *дело* не имеет значения «надобность, нужда». Здесь речь может идти о замкнутых фразеологических сочетаниях и о смысловых своеобразиях употребления слова *дело* в этой ограниченной сфере устойчивых выражений.

Полная неразбериха как следствие механического распределения таких и всяких иных фразеологических оборотов по разным значениям слова особенно наглядно обнаруживается в семантической характеристике глагола *взять*. Здесь к прямому конкретному значению этого слова (значение первое) отнесены такие выражения, как «взять аккорд», «взять ноту», «взять галопом», «взять с места в карьер» и др. под. Со значением (вторым) «задерживать, арестовать» почему-то связывается фразеологически обусловленный оттенок: «овладеть, охватить» (о душевных переживаниях). *Взял страх кого-либо* (о сильно испугавшемся). *Взяло любопытство. Но когда он возвращался с кладбища, его взяла сильная тоска*. Чех. Скрипка Ротши. *Взять все одной, от раннего утра до поздних сумерек, сечь так и одурь возьмет, — день-деньской за веретеном...* Загоск. Аск. могла. *Зло взяло Комара: обиды не стерпел, Собрался, поднялся Комар на Льва войною*. Крыл. Лев и Комар.

Под значение (четвертое): «Завладеть чем-либо, завоевать, покорить, захватить что-либо силой» подведены формы: «Взять себя в руки — овладеть собою... *взять свое* (болезнь *взяла свое*), *взять силу* (*Лисицы мнение в совете силу *взяло**)» и др. под.

К значению (посьмому): «принять к себе» отнесены такие фразеологические обороты, как *взять в соображение, в расчет, во внимание* и т. п., *взять в толк, взять моду, привычку, взять терпение* и т. д. (т. II, стр. 332—344).

Трудно по всем этом найти следы или отражения какой-нибудь фразеологической теории. Изучение фразеологической системы русского языка, а также типов и разновидностей устойчивых фразеологических сочетаний в нем еще находится в самом зародыше. В теории русской лексикографии не сложилось еще никаких твердых принципов ни детальной классификации фразеологизмов, ни семантического исследования их структур. Можно с сожалением, но с полным основанием заявить, что в этой сфере лексикографическая практика не только не содействует углубленному анализу возникших вопросов, но даже — сознательно или бессознательно — своей научной необоснованностью, своими колебаниями, своей бессистемностью лишь тормозит дальнейшую разработку проблем русской фразеологии.

II

В первых трех томах Академического словаря известность семантической перспективы в изложении связи и соотношений значений слов очень страдала от «гнездового» расположения слов. В этом случае не только логично сливались и объединялись омонимы, но и производные от них слова смешивались в беспорядочную груду. Например, в слове разграничиваются два омонима: *вываливать* — *вываливать* и *вываливать* — *вываливать*. Но остается непонятным, почему в этом последнем слове объединены два значения, между которыми нет ничего общего: *вываливать* — *вываливать* обобщает и «выдвигать, выбатывать что-либо из шерсти, ваты и т. п. посредством валиния; *валить, сбивать* и «*валия* пачкать, мараť в чем-либо». Ср. *вываливать несколько пар сапог* и *вываливать в грязь, в пыль* и т. п. Очевидно, и тут надо разграничить два омонима. А все это, естественно, должно было найти отражение и в картине словопроизводства, в представлении словарных «гнезд».

Точно так же и в глаголе *вывалить* — *вываливать* едва ли в современном языке могут быть объединены значения «*вывалить из телеги, савей, тачки, корзины снег,*

мусор, дрова и т. п.», *вывалить седока* и т. д. с одной стороны, — и, с другой: *пестрая ревущая толпа... вывалила из переулка*; ср. *вывалил снег* и т. п. (т. II, стр. 962—963).

Легко увидеть еще больше несообразности и чисто механического сцепления слов и значений при обращении к «гнездам» таких слов, как *выставлять, выступать, выпасть* и мн. др.

В IV томе Академического словаря как будто с определением основных «номинативных» значений слова дело обстоит несколько благополучнее, чем в предшествующих томах. Правда, и тут иногда (но не так часто) встречаются случаи нечеткого разграничения значений и расплывчатого их описания — вместо определения. Например, в глаголе *заскакивать* выделяются четыре значения вместо двух основных. Первое значение — «скачком, прыжком вскакивать на что-либо, проникать куда-либо»: *Егерева сын... подсунул лошади и на ходу заскачил в передок*. Леон. Скутаревский. То, что в Академическом словаре помещается под вторым и четвертым значениями, является только оттенками или вариациями этого основного значения. В самом деле, так называемое второе значение отличается от первого только расширенным пониманием «скачка» или «прыжка». Это значение в Академическом словаре формулируется так: «быстрым движением оказываться где-либо». Формулировка — явно неудачная и в стилистическом, и в семантическом отношениях. Если первое значение состояло в том, чтобы «скачком... вскакивать и проникать куда-нибудь», то и это «второе» выражает то же самое: «скачком или вообще стремительным, быстрым движением проникать куда-нибудь» (*Ерошка, увидев Герасима, заскачил за угол... Тург. Муму. На этот раз два танка прорвались и заскачили во двор дома Симон. Дни и ночи*). В просторечно-ироническом употреблении *заскочить* значит также: «ненадолго забежать, зайти куда-нибудь» (*в обеденный перерыв заскочить домой*).

Не подлежит сомнению, что и так называемое «четвертое» значение «соскакивая с места, зацепляться за что-либо» определено неточно (пример: *пружина заскочила за зубец*). Ведь в самом слове *заскочить* (если не смешивать значение слова с конкретными действиями, которые могут им обозначаться) нет никакого указания на «зацепление» или «уцепление». Значение «заскочить» здесь такое: «соскакивая или скачком переместиться куда-либо». Это — специализированное применение того же первого значения. Третье значение заключает в себе новое смысловое «качество»: «забегать, опережая кого-либо»... *Свой развед тут орудовал. Они раньше нас заскочили*. Н. Остр. Как закалял сталь (т. IV, стр. 897—898).

Естественно, что такая неопределенность в различении значений глагола *заскочить* не могла не отразиться и на семантической обработке отглагольного существительного *заскок*. В слове *заскок* разграничиваются два значения: первое — «заскакивание, забегание». Приводится пример из «Воспоминаний» А. А. Рылона: *Полудрафический, полуживописный характер имела мастерская профессора Анисимова с некоторым заскоком в левину*. В этом примере, конечно, слово *заскок* употреблено не в прямом, а в переносном значении. Тем более неясным становится определение второго значения: «Ирон. Небольшое отклонение от нормы поведения; вывих». В качестве иллюстрации помещена цитата из «Автобиографических записок» А. Остроумовой-Лебедевой, противоречащая прямому смыслу определения значения (если не относить и мысли к поведению): *Когда я заявила Александру Николаевичу, что в конце-концов не люблю Художественного театра, не люблю Чехова, он рассердился на меня не на шутку и заявил, что у меня в голове заскок, провал, что я ничего не понимаю* (т. IV, стр. 899)¹. Чем *заскок* похож на *вывих* и как понимать конкретный смысл «небольших отклонений от норм поведения», остается загадочным.

Недостатки и ошибки в дифференциации значений слов и их оттенков, в их семантической характеристике во многом зависят от самой техники и методики лексикографической работы. В настоящее время в русской лексикографической практике господствует принцип обособленного рассмотрения лексических единиц; работа ведется от слова к слову «по соседству». Семантическая обработка отдельных слов происходит изолированно — без учета их соотношения и связи с семантически близкими словами и лексическими группами. Принимаемое на веру положение о системном характере словарного состава языка нисколько не влияет на направление и характер лексикографической практики. Отсутствие глубоких самостоятельных исследований, посвященных семантической системе современного русского языка в целом и в отдельных ее структурных элементах и компонентах, а также русской синонимике, трагически отражается на работе наших лексикографов. У них нет необходимых обобщающих руководств и конкретно направляющих справочников. Поэтому в описаниях отвлечен-

¹ В «Толковом словаре русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, это значение определяется так: «Временное затмение ума, порождающее какой-нибудь необъяснимый поступок, какие-нибудь странности (фам. ирон.)» (т. I, М., 1935, стр. 1030). В одноименном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (М., 1952, стр. 191): «Заскок... (разг. неодобр.). Ненормальность, крайность, странность».

ных, вторичных значений соотносительных или семантически связанных слов наблюдаются стандартные повторения и искажения, обесмысленные тавтологии и формальные отписки. Вот несколько примеров из IV тома Академического словаря.

В слове *жанр* вслед за основным искусствоведческим значением второе, интеллигентско-бытовое, определяется так: «манера, стиль». Например, «легкий жанр». У Салтыкова-Щедрина в «Господах Головлевых»: *Любимька мастерски спела куплеты... и всех сразу убедила, что это настоящий ее жанр* (т. IV, стр. 28). Само собой разумеется, что то же определение можно найти в толковых словарях русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова. Если обратиться к слову *живопись* в том же Академическом словаре, то одно из его значений — третье — окажется тождественным второму значению слова *жанр*: «характер художественного изображения: манера, стиль, жанр и т. п.». Иллюстрация из пушкинского «Выстрела»: *В картинах я не знаток, но одна привлекла мое внимание... Но поразила меня в ней не живопись, а то, что картина была прострелена двумя пулями* (т. IV, стр. 118). Совершенно очевидно, что ни синонимического параллелизма, ни совпадения значений — вопреки свидетельству Академического словаря — тут нет.

Отсутствие ясного понимания разных видов значений и употреблений слов ярко выступает в смешении значения слова и функционального употребления его в качестве условного названия чего-нибудь. Например, в слове *жизнь* выдвигается такое значение (четвертое): «рассказ о чьей-либо жизни, описание ее; биография». Это значение иллюстрируется тремя примерами, из которых два указывают лишь на то, что слово *жизнь* нередко применяется как заглавие автобиографических очерков (*Жизнь замечательных людей, Жизнь Дмитриева*). Следовательно, здесь дело идет лишь о метонимическом словоупотреблении (ср., например, «Смерть Ивана Ильича», «Дни нашей жизни» и т. п.). Что же касается третьего примера из статьи В. В. Стасова о скульпторе Антокольском, то тут слово *жизнь* выражает свое прямое, исходное значение. Тут читаем: *На мне лежит обязанность в ближайшем времени снова, после его слишком раннего конца, рассказать его жизнь* (т. е. о его жизни. — В. В.) и рассмотреть его создания (т. IV, стр. 145).

Особенно остро недостатки семантической характеристики слова ощущаются в определениях вторичных, переносных или фразеологически связанных значений и оттенков слов. Например, переносно-разговорное значение слова *жеванный* определяется так: «потерявший свежий вид». Определение — расплывчатое, очень далекое от непосредственных смысловых оттенков слова («как будто подвергшийся жеванию, сильно подержанный, помятый»). Иллюстрации не подтверждают определения: [*Дорожная провизия*] *через две станции нигуда не годится, потому что мясо приобретает какой-то жеванный вид, яйца скатываются в лепешку. Мам.-Сиб. На месте преступ. Повелевшие, жеванные шпатели висели на людях, как на вешалках. Федин. Я был актером*.

Еще более отдаленно и неправильно сформулирован оттенок этого значения, характерный для сочетаний слова *жеванный* с обозначениями отвлеченных понятий («избитый, затиснутый»): *Я очень радуюсь, что нарождаются новые люди, с новыми мыслями. Так старые надоело! Все — поучения, жеваная добродетель, отсутствие свободы и смелости* А. К. Лидон. Из писем, 19 мая 1907 (т. IV, стр. 49).

Само собой разумеется, что в Академическом словаре почти совсем отсутствуют попытки очертить круг фразеологической сочетаемости связяющего значения. Например, в слове *живость* выделяются два качественных значения (третье и четвертое): «точность, отчетливость, ясность» и «острота, сила, яркость». Мотивы и признаки разграничения этих значений непонятны, иллюстрации не подтверждают и не отражают этой дифференциации. Так, значение «точность» усматривается в такой фразе из «Анны Карениной» Льва Толстого: *Полосая несколько времени, Левин вдруг с необыкновенною живостью вспомнил Кити, ее отказ и последнюю встречу* (т. IV, стр. 120).

Одно из значений слова *значительный* было неких понятий и ограничений приравнивается к значениям слова *вырастательный*. Ср., например, у Льва Толстого в «Анне Карениной»: *Что вам, Агаша Михайловна! — спросила вдруг Кити остановившуюся с таинственным видом и значительным лицом Агашу Михайловну* (т. IV, стр. 1302). Понятно, что ясному и последовательному изложению связи и соотношения значений в семантической структуре слова мешает типичное для Академического словаря столкновение и беспринципное смешение нормативной и исторической точек зрения. В самом деле, Академический словарь ставит своей задачей — воспроизвести и отразить развитие словарного состава русского литературного языка с пушкинской эпохи вплоть до современности. В «Предисловии» к IV тому (стр. IV) говорится о неправомерности пресловутого «обратного хронологического порядка» в размещении значений и иллюстративного материала, заявляется о том, что «минимое „осовременивание“ Словаря находится в прямом противоречии с самим ходом развития литературного языка», что «иллюстративный материал, начиная с четвертого тома, будет располагаться в нормальном хронологическом порядке, т. е. от Пушкина к писателям более поздней поры». На самом же деле в IV томе Академического словаря очень часто наблюдается искажение исторической перспективы в развитии значений слова, смешение старых зна-

чений с новыми. Например, в слове *закраина* вслед за основным значением «край, кромка» идет не непосредственно связанное с ним значение «лед, примерзший к берегу», а дальнейшее метонимическое расширение этого значения: «скопление талой воды между берегом и краем льда на реке, озере и т. п.; заберег». Любопытно, что среди иллюстраций помещена цитата из сочинений С. Т. Аксакова, в которой указывается ход развития значений у слова *закраина*: *Закраиной называется лед, примерзший к берегу, а не расселина между льдом и берегом* (т. IV, стр. 565).

В слове *закутить* не выделено устарелое, существовавшее до середины XIX в. значение: «начать вести беспорядочную, разгульную, бесшабашную жизнь». Между тем сюда относится пример из «Мертвых душ» Гоголя: *Помеишки попригравались в карты, закутили и промотались как следует*. Тут, конечно, речь идет не только о пьянстве (т. IV, стр. 596). Ср. у Пушкина в «Капитанской дочке»: *Закутим, запьем и ворота запрем*.

В описании значений слова *жертва* (т. IV, стр. 88—90) одно из основных (2-е) значение характеризуется так: «Действие по 1-му знач. глаг. жертвовать». Между тем это значение глагола *жертвовать* («совершать жертвоприношения божеству») в самом словаре квалифицируется как устарелое (стр. 92). Оно иллюстрируется примерами из сочинений Батюшкова и Пушкина:

*Где храбрый ликовал с дружиною своей,
Где жертвовал вином отцу и богу брани...*

(Батюшк. На развал. замка в Швеции)

*Мой друг Морфей, мой давний утешитель,
Тебе всегда я жертвовать любил,
И ты жреца давно благословил*

(Пушк. Сон)

Пример из Лермонтовской «Думы», несмотря на наличие той же синтаксической конструкции, связан с несколько иным значением («приносить жертвы, дары, поступаться чем-нибудь»):

*И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви.*

Таким образом, определение значения *жертвы* (= *жертвоприношение*) через *жертвовать* для современного языка нецелесообразно и ошибочно (ср. такое же определение слова *жертвование*). *Жертва* и *жертвование* — не идентичны. Ср. у Гл. Успенского в «Отцах и детях»: *Жертвы эти шли каждый год, пока не настали новые времена, не дозволявшие никаким жертвованиям за отсутствием жертвенного* (стр. 91).

В слове *жолнер* утверждается ударение последнего слога (*жолнёр*). Между тем само определение первого значения («солдатский ратник») и пример из «Дмитрия Самозванца» А. Н. Островского (*Случись еще подобная тревога, И жолнерам стрелять велю*) показывают, что нормой для уногробления слова *жолнёр* (в первом значении) должна быть форма *жблнер*. Так называемое «второе значение», связанное с формой *жолнёр*, является результатом контаминации со словом *жалонёр* (франц. *falonneur*) (т. IV, стр. 181). Таким образом, в данном случае мы имеем дело с историческим взаимодействием разных, хотя и близких по звучанию слов, с взаимодействием, приведшим к своеобразной омонимии, а затем, повидимому, и к частичному слиянию омонимов. В Академическом словаре антиисторизм в подходе к словарному материалу сказался в резком искажении семантической перспективы. Нельзя не отметить того же антиисторизма в семантической обработке слова *железка* (т. IV, стр. 57).

В этом слове признаются три значения: первое — «железная пластинка, железный стержень»; второе — «железники дорожа» (простореч.) и третье — «азартная карточная игра» (устар.). Но совершенно ясно, что эти значения ни исторически, ни генетически не связаны одно с другим. *Железка* как название карточной игры возникает для перевода франц. *chemin de fer* — на основе ранее возникшего лексического эквивалента словосочетания *железная дорога*. Антиисторизм привел в данном случае составителей Академического словаря к смешению омонимов.

Таким образом, на качестве Академического словаря сильно сказывается антиисторизм, состоящий здесь то в априорном осмыслении старых или устаревших значений слова с точки зрения их возможного современного понимания, то в механическом объединении или разделении форм и слов — вне исторической перспективы их развития. Составление словаря современного русского языка очень затруднительно в таком отрыве от истории словарного состава русского языка, по крайней мере XIX и XX вв. А эта история еще не воспроизведена полностью и во всех своих закономерностях. Вот показательный пример. В новом Академическом словаре вслед за прежним, составленным под редакцией акад. А. А. Шахматова¹, обособлены в особое слово формы

¹ «Словарь русского языка, сост. Вторым Отд-нием Имп. Акад. наук», т. II, СПб., 1907, стр. 317.

множественного числа *железы* с устарелым значением «соковы, кандалы». Например, в стихотворении Огарева, посвященном Михайлову:

*Закован в железы с тяжелою цепью,
Идешь ты, изгнанник, в холодную даль.*

Между тем связь этих форм со словом *железо* не только исторически бесспорна, но и непосредственно опутима в силу общности образного применения и фразеологических связей. Например, *железо* в значении «железные доспехи война» сочетается с тем же глаголом *заковать*. У Иуковского в «Орлеанской деве»:

*Надеть должна ты латы боевые,
В железо грудь младую заковать* (т. IV, стр. 60—61).

А у И. Толстого в сказе «Вражье лепко, а божье крепко» встречается выражение *заковать в железо* в том же значении, как и *заковать в железы*: *Закуют его в железо или в темницу посадят.*

III

Среди основных вопросов теории лексикографии один из важнейших — вопрос о семантических границах слова, вопрос об омонимии. Проблема омонимии, как это легко увидеть из сопоставления разных толковых словарей русского языка, из сравнения их отношения к омонимам, из их колебаний в этом отношении — камень преткновения для наших лексикографов. В русской лексикографической практике разграничения омонимов нет последовательности, но нет также и глубоко осмысленных в лингвистическом плане противоречий. Тут парит случайность. Теоретические основы учения об омонимии пока еще не разработаны. Между тем в самом русском языке наблюдаются строгие закономерности соотношений у омонимов с непроеизводными основами, свойственные разным частям речи, и не менее строгие законы образования и структуры омонимов среди производных слов, относящихся к разным частям речи.

В Академическом словаре, между прочим и в IV его томе, с вопросом о разграничении и выделении омонимов дело обстоит неблагоприятно. Несомненно, что основными способами определения омонимов в лексикографической практике должны быть признаны три: историко-лексикологический (включая сюда и историко-этимологический), морфолого-словообразовательный и структурно-семантический (включая сюда и грамматический). С каждым из этих способов связаны своеобразные критерии узнавания омонимов и различения их структурных типов.

Историко-лексикологический принцип выделения омонимов опирается не только на исторические законы словообразования, присущие тому или иному языку, но и на данные истории, а иногда и этимологии соответствующих слов. Так, в Академическом словаре слово *законник* описывается следующим образом: «1. Хороший толкователь или исполнитель законов... *Он у нас тут тоже за ученого славят... Законник... Он знает все русские законы.* М. Горький, Вар. Олесева. 2. Старинное название собрания, свода законов...» (т. IV, стр. 547).

Совершенно ясно, что здесь неправильно объединены два разных слова, отличающиеся друг от друга не только способом словообразования (*законник* в значении лица соотносительно с *законный*; ср. *пустынный*, *равнобный*, *частный* и т. п., а слово *законник* — свод законов соотносительно с *закон* в сочетании с собирательным значением суффикса -ник: *цветник*, *виноградник* и т. п.), но и своей историей, своим происхождением и употреблением. Эти два слова генетически не связаны, не отделились одно от другого и принадлежат к разным лексико-семантическим категориям языка.

Еще пример. Слово *залетный* в Академическом словаре снабжено двумя значениями: «1. Прилетевший из другого места, обычно случайно или ненадолго. *Залетная певичка, птичка юга.* Лерм. Аул Бастунджи... *залетная шальная пуля.* Гарш. Трус. 2. *Простореч. Лихой, удалой... И птицей несется залетная тройка.* Пикит. Ночлеж извозч. || Высокий. О голосе... *Поправившая голос Есгаркин Сергей Иванович, говорит: — Голос у тебя залетный, ты мне пригодишься.* Певар. Шкрябы» (т. IV, стр. 610). Сразу видно, что одно значение не выводимо из другого. Оба они не связаны друг с другом соотношениями основного и производного, перичного и вторичного, переносного и т. п. Большие того: *залетный* в первом, относительном значении явно восходит к глагольной основе, к глаголу *залетать* (к глаголу *залетать* — *залететь* в значении «улетать высоко» восходит и *залетный голос*), второе — качественное — связано с своеобразным народным (областным) значением слов: *залет*, *налет*. Ср. *залет* — «хват, удалец... кутила, сорви-голова»¹.

Морфолого-словообразовательный принцип узнавания и выделения омонимов состоит в определении тождества или резкого различия морфологической структуры

¹ «Словарь русского языка, сост. Вторым Отд-нием Имп. Акад. наук», т. II, стр. 1324.

слов, представляющих собою однозвучные фонетические единства. Например, в Академическом словаре глагол *зарыбить* в переходном и непереходном значениях рисмативается как единое слово. В нем отмечаются два лексических значения: «1. *Перез.* Покрыть рябью, сделать рябым. *Тропки на базарной площади протоптали этот народ, лаптями своими широкими всю ее зарыбили.* Левит. Накануне христ. дня... *Дружный ветер пронесся отсюда-то и ринулся на поле... Трепетные волны расплазлись по полю и зарыбили его.* Эртель. Зап. Степняка... 2. *Неперез.* О появлении ряби, неровностей на поверхности. *Белл. Начал накрапывать дождик, и по озеру зарыбило.* Леск. Овцебык». Сюда же: «Зарыбит, зарыбило в глазах...» (т. IV, стр. 868).

Между тем здесь, несомненно, два разных слова-омонима. Одно образовано от *рябой* (ср. *зазеленить, засинить, зачернить*; ср. также *загрязнить, затемнить* и др. под). Приставка *за-* имеет в этом словообразовательном ряду значение усилительное. Другой глагол — безличный — соотносителен с существительным *рябь*, и приставка *за-* имеет здесь начинательное значение; ср. *рябит*. Ср. ту же картину и те же непоследовательности в описании значений глагола *засветить*.

Недостаточное внимание к морфолого-словообразовательным средствам распознавания и различения омонимов в русской лексикографической практике сказывается в том, что одни и те же словообразовательные типы то объединяются в системе одного слова, то распределяются по разным словам. Например, почти рядом стоящие, близкие по структуре слова *заслуживаться* и *заслуживаться* в Академическом словаре обработаны противоположными способами. В глаголе *заслуживаться* выделены два значения: «1. Слишком долго служить». Это значение иллюстрируется неуклюжим, самодельным «речением»: *Заслужился до глубокой старости.* «2. Страд. к заслуживать. *Уважение заслуживается достойными поступками*» (т. IV, стр. 907). По недосмотру или по ошибке не указано, что сов. вид *заслужиться* возможен лишь при значении «слишком долго служить». А ведь различия в видовой характеристике служат наглядным средством различения омонимов.

В странный противовес глаголу *заслуживаться* разграничиваются два омонима — *заслушиваться*. «1. Заслушиваться... несов. Слушаться. О докладах, постановлениях и т. п., отглашаемых на собраниях, заседаниях и т. п. *Дело в суде заслушивается вторично.* Ср. *заслушивать*. «2. Заслушиваться... заслушаться... сов. Увлечаться, слушая что-либо... *Когда Бакунин одушевился и говорил, я слушал, заслушивался и не мог наслушаться его,* — говорил Щепкин. Бел., Письмо М. А. Бакунину, 12—24 окт. 1838» (т. IV, стр. 908).

Этот последний пример очень ясно и убедительно говорит о том, что *заслужиться* и *заслушаться* (с производными формами несов. вида) произведены от глаголов *служить* и *слушать* по одной и той же словообразовательной схеме *за-*ся (*завариваться, заговориться, зачитаться* и т. п.). Страдательные же формы *заслуживаться* и *заслушиваться* образуются от действительных форм глаголов *заслуживать* и *заслушивать*.

В глаголе *засаживать* — засидеть явно смешаны два омонима разной словообразовательной структуры. Один с количественным значением приставки *за-* (*место, все засажженное березами; засидеть аллее липами, вязами и тополями* и т. п.), другой — с значением фактивным: *заставлять есть; заставить и т. п.*, соотносительный с глаголом *заставь* (т. IV, стр. 874—875).

Структурно-семантический принцип выделения и разграничения омонимов опирается на законы и правила связи и сочетания значений в разных структурно-семантических типах слов, свойственные тому или иному языку в известный период его развития. Так, анализ таких семантических однотипных рядов слов, как *гибель* (в значении «полное разрушение, уничтожение, крушение чего-либо; неестественная, преждевременная или насильственная смерть») и экспрессивно-количественное *гибель* (в значении «несметное множество»), *пропасть* (в значении «зияющая, разящая гибелью глубина, обрыв») и *пропасть* («очень много, бесчисленное множество»), *бездна* («пропасть, глубина, кажущаяся неизмеримой, но имеющей дно») и *бездна* («множество»)¹ и т. п. пока вызывает, что здесь уже произошло расхождение на омонимы. Достаточно сравнить с семантическим существом этих явлений такие процессы переноса значений, еще не приведенные к омонимиям, как *масса* (в значении «большое количество»), *гора* или *горы* («гора дель», «горы золота»), простореч. *сила* и т. п.

Само собой разумеется, что структурно-семантический принцип разграничения омонимов должен учитывать и грамматические свойства слов. Еще в начале XIX в. И. Ф. Калайдович предлагал при составлении лексиконов обособлять одно от другого однозвучные слова, разошедшиеся по синтаксическим свойствам, по морфологической структуре и лексическим значениям, и рассматривать такие слова как омонимы. Например, ставились раздельно три слова *заговорить*: «Заговорить — начать говорить — требует винительного вещи и не имеет страдат. причастия...; заговорить — разговором утомить — требует винит. лица и род. с предл. до (*заговорил его до обмороку*); загово-

¹ В Академическом словаре и *бездна*, и *гибель*, представлены как единые целостные слова — без разделения на омонимы.

рить — *заговоросить* — требует или вин. вещи и род. с предл. *от*, или вин. вида и употребляется в страд. причастии (*заговорить ружье*; *заговорить кого от чего*; *ружье заговорено*)»¹.

Структурно-семантический принцип выделения омонимов применим не только к знаменательным, но и к служебным словам. С точки зрения живых грамматических отношений и функций трудно рассматривать значения, присущие, например, предлогу *с* в сочетании с формами имени существительного в родительном падеже, предлогу *с* с творительным падежом и предлогу *с* с винительным как значения семантически близкие или соотносительные, внутренне связанные, т. е. как значения одного и того же слова (ср., например, *чай с сахаром*, *мальчик с пальчик*, *вид с горы*; *смотреть с интересом*; *смотреть с балкона* и т. п.). Есть известная соотносительность функций предлога *с* и соответствующей глагольной приставки (например: *сойтись с кем-нибудь* и *сойти с чего-нибудь*; *свести концы с концами* и *свести пятна с костюма* и т. д.). Но и в глагольных образованиях от одной и той же основы с приставкой *с-* видны ясные и закономерные линии раздела между омонимиями, например: *стянуть* (войска) и *стянуть* (одеяло со спящего), *сбить* (масло) и *сбить* (с дороги), *свести* (хлеб на сыпной пункт) и *свести* (с горы) и т. д. Таким образом, есть все основания видеть в предлогах *с* с родительным, с творительным и с предложным падежами разные слова, омонимы. Очевидно, применение того же критерия к предлогу *о* с винительным и предложным падежами должно привести к тому же выводу о наличии двух предложных омонимов (ср. *споткнуться о камень* и *столкнуться о деле*).

Не менее отчетливы семантические границы между отдельными значениями и употреблениями предлога *по* с предложным, дательным и винительным падежами (например, *идти по лесу*, *ходить по театрам*, *хлопотать по хозяйству* и т. п., с одной стороны, по окончании работы, по приезде с дачи — с другой, и, наконец, *стоять по пояс в воде*, *сыт по горло*, *влюбиться по уши* и т. п.). Правда, в употреблении предлога *по* видны следы контаминации между некоторыми значениями, следы некоторой связи разнопадежных его функций. Например, *скупать по позебиюм друге*, *скупать по детям*; *дать по пяти рублей* и *по два рубля* и т. д. Однако это не меняет существа дела.

В кругу других непроезженных, «первообразных» предлогов тенденция к омонимическому разделению не доходит до такого результата или предела, как у *с*, *о* и *по*. По отношению к «первообразным» союзам некоторые исследователи русского языка, например акад. Л. В. Щерба, также ставили вопрос об омонимическом расхождении их значений. Так, Л. В. Щерба в своей известной работе «О частях речи в русском языке» рассматривал союз *и* в соединительном и объединительном значениях и союз *и* в присоединительном значении как разные союзы, т. е. как омонимы. С гораздо большим правом тот же вопрос может быть поднят относительно союзов *что* и *как*. Можно ли усматривать в наречии *как* и в союзе *как* (а также в частице *как*) разные значения одного и того же слова (как это обычно делается в толковых словарях русского языка, например в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова) или следует признать их омонимиями? Чаще всего признается, что наречие *как* является особым словом. Но ведь значения и союза *как*, и частицы *как* окажутся очень далекими одно от другого (ср., например, *она как закричит* и *белый как снег*), и относительно них также может возникнуть сомнение, не произошло ли уже в литературном языке омонимическое обособление союза от частицы. В сущности, та же проблема сохраняет свою актуальность и свою силу относительно семантического разграничения союза *и* и частицы *и*. В употреблении самого союза *как* происходит резкое отделение его временных (а также условных) значений и функций от сравнительных и отождествительных. Этому отделению содействует такое образование устойчивых синтаксико-фразеологических схем и оборотов, с которыми нередко сочетается употребление союза *как* во временных значениях (*прошел год как... не писал... как* и т. п.).

Таким образом, в современном русском языке выступают яркие признаки разделения на омонимия или выделения омонимов и среди союзов, переобремененных значениями, таких, как *и*, *а*, *как*, *что* (ср. союз *а* и частицу *а*; союз *что* и частицу *что* в изъяснительном, причинном и сравнительном значениях). Само собой разумеется, что всестороннее освещение этой лексикографической проблемы возможно лишь на основе глубокого синтаксического изучения всех функций этих союзов (так же, как частиц или предлогов, подвергающихся омонимическому разделению) и связи с анализом соответствующих конструкций. Не менее важным было бы и решение общей семантической проблемы о специфике значений и способов их связи в смысловой структуре служебных слов на материале русского языка.

IV

Для теории лексикографии важно не столько традиционное прямолинейное обособление лексикологии от грамматики, сколько изучение сложных и разнообразных типов взаимодействий лексических и грамматических значений. В системе форм изме-

¹ См. И. К а л а й д о в и ч, Опыт правил для составления русского производного словаря, «Труды О-ва любит. росс. словесности», ч. V, М., 1824, стр. 366—367.

няемого слова не все формы одинаково продуктивны и употребительны, а с другой стороны, далеко не всегда во всех формах слова наблюдается одно и то же соотношение и сочетание грамматического и лексического. Например, в глаголе *забаюкивать* переносное употребление иллюстрируется лишь формами причастий страдательного залога (у Фурманова в «Мятеже»: *Глухая, забаяканная, ленивая тишь*; у Серафимовича в рассказе «На реке»: *Дремотно, той особенной дремотой, в которой бодрствуют глаза и уши и дремлют спокойно забаяканные мысль и чувство*) (т. IV, стр. 218). Естественно возникает вопрос о тех семантических оттенках, которые присущи этому страдательному причастию, а также о степени употребительности других форм *забаюкать*—*забаюкивать* в переносном смысле.

Точно так же в статье о глаголе *забирать*—*забрать* (с очень неясным и немотивированным размещением значений) значение шестое (перех.) «загораживать, заделывать» иллюстрируется примерами, в которых употреблены формы страдательного причастия *забранный*: *...в самом темном углу, забранным старыми досками. Салт. Благоням. речи; ...мимо низких, забранных решетками окон. Федин. Перв. радости* (т. IV, стр. 229). Никакой стилистической пометы при этом значении нет. Частота употребления других форм глагола *забирать*—*забрать* в этом значении и сферы его применения (профессионального?) остаются необъясненными.

Проблема взаимодействия лексических и грамматических значений связана с изучением функций разных падежных форм имен существительных, дополнительных лексических оттенков, в них развивающихся в тех или иных условиях, потенциальных ресурсов перехода слов из одной части речи в другую и — особенно — многообразия вариаций лексических значений у разных форм одного и того же глагола. Например, описание семантической структуры таких слов, как *год*, обязывает к изложению (даже за пределами устойчивых фразеологических оборотов) тех своеобразий значения и употребления, которые присущи формам множественного числа *годы*, *годя* и *летя*, *годов* и *лет* и т. п. (т. III, стр. 200—216). Ср. функциональные отличия разных форм слов *волос*, *время*, *глаз*, *небо*, *дитя*—*дети*, *ребенок*—*ребята* и т. д.¹

В системе форм имен прилагательных для лексикографа особый интерес представляют типы лексической и синтаксической дифференциации полных и кратких имен прилагательных (ср., например, *готовый* — *готов*, *должный* — *должен* и т. п.). Лексикографическая традиция в этом вопросе не выработала твердых норм и приемов семантического определения. В IV томе Академического словаря в слове *живой* выделено шестое значение: «Только в краткой форме. Существует, имеется. *И славы буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит. Пушкин. Памятник. Слещ он в постель дня за три до смерти и, кажется, надеялся до тех пор, пока жива была в нем память. Тург. Воспом. о Белинском. У дружбы есть неписанный закон: живо доверие*» — *жива дружба, рухнуло доверие — нет дружбы. Линьков. Горыч. правда* (стр. 111). Тут все непонятно: и приравнение формы краткого прилагательного к форме 3-го лица глагола настоящего времени, и самый характер определения, и мотивы подбора столь разнородных иллюстраций.

Естественно, что особенно трудны и разнообразны вопросы лексико-грамматических связей и взаимодействий в сфере глагола. Эти вопросы почти вовсе не изучены. В Академическом словаре не видно настоящего стремления подойти к пониманию и уяснению этих вопросов. Можно предположить, что составители и редактор предпочли отделиться ото всех затруднений, грозивших им на пути исследования соответствующих явлений, и избрали механические способы их воспроизведения. Например, при описании глагола *закатывать* — *закатить* оказалось, что некоторые из значений реализуются лишь в формах совершенного, другие — только в формах несовершенного вида. Но все это не нашло отражения ни в грамматических отметках, ни даже в характеристике значений. Так, второе значение глагола *закатывать* — *закатить*, непереходное, разговорное, характеризуется следующим образом: «Уезжать куда-либо, обычно внезапно, неожиданно, стремительно. Все примеры связаны с формами совершенного вида: *Через шесть дней я опять в Париже. Завтра сядем в курьерский поезд и закатим, только нас и видели. Чех. Виши. сад; Бывало, нхкаешь. нхкаешь воздух, да ни с того ни с сего и закатили на Ярославля в Одессу. Куприн. На покое; — Эх, отлично было бы закатить теперь в Шатрово, — говорил мой приятель. Мам.-Сиб. В глуши* (т. IV, стр. 501). Как это значение связано с предшествующим: «Толкая что-то круглое, помянуть куда-либо» — остается неясным. У читателя может возникнуть законный вопрос, не имеем ли здесь дело с разными словами, с омонимией.

Этот вопрос может встать в еще более остром виде, когда в составе четвертого (переходного) значения оказываются сваленными в одну кучу самые разнообразные и по форме, и по значению случаи (тут и *закатить* салicyлизового натру», *закатить обед», «закатить истерику, скандал, выговор» и «закатить кнутовищем по лбу»*).

Любопытно, что и при характеристике последнего, пятого значения: «действовать с увлечением, с азартом. бодро и т. п.» — не отмечено, что оно связано только с формами несовершенного вида *закатывать*. Ср. у Левитова в рассказе «Целовальничиха»: *Цело-*

¹ ВЯ, 1956, № 3, стр. 11 и сл.

вальник закатывал в присядку под звонкую песню знакомого-птицелова. Ср. *задувать* в последнем, шестом значении: «действовать стремительно, азартно, усиленно и т. п.» (т. IV, стр. 430).

В глаголе *заключать*, статья о котором механически смешивает и сливает по крайней мере три омонима, разграничение значений также не сопровождается указаниями на различия в видовой структуре глагола и в функциях разных его форм. В этом слове третье значение описывается так: «иметь в своем составе; вмещать, содержать». Сюда же относится выражение *заключить в себе*. Все иллюстрации из произведений художественной литературы XIX и начала XX в. содержат формы несовершенного вида или формы причастий страдательного залога совершенного вида (*заклоченный, заключаю* в чем-нибудь). Примеры: *Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека 1819 года*. Пушкин. Е. О., предисл. к отд. изд.; [Нина Ивановна] *занималась спиритизмом, гомеопатией, много читала, любила поговорить о сомнениях, которым была подвержена, и все это, казалось Наде, заключало в себе глубокий, таинственный смысл*. Чех. Невеста (т. IV, стр. 528). Никаких грамматических разъяснений и ограничительных указаний нет.

Кроме невнимания к видовым формам глаголов и их лексическим функциям (ср. статьи о глаголах *задувать, заводить, заморить* и т. д.), следует отметить также механическое и противоречивое разграничение переходности и непереходности глаголов. При помощи общей ссылки на этот внешний признак составители и редактор освобождают себя от анализа всего разнообразия форм синтаксической сочетаемости и синтаксического управления, присущих тому или иному глаголу. Например, в глаголе *заслуживать* ссылка на переходность и непереходность исчерпывает весь анализ синтаксических различий между разными значениями этого слова (т. IV, стр. 907). Поэтому, например, совершенно исчезло противопоставление: *заслужить — заслуживать что и заслуживать чего*. Вместе с тем отсутствие семантического исследования разных видов и соотношений глагольной переходности и непереходности ведет к тому, что принципы объединения и разъединения глаголов по этому признаку остаются неясными, лишенными всякой последовательности, всякого единства. Так, переходный глагол *жировать* «пропитывать жиром» и непереходный *жировать* «кормиться гуляя, резвясь» (т. е. набираться жиру) рассматриваются как разные слова, как омонимы (т. IV, стр. 161). Между тем в глаголе *забурлить* по неизменным мотивам переходное и непереходное значение слиты; тут разграничиваются два значения: «начать бурлить, шумно хлокотать» и «заставить пениться; заволновать» (т. IV, стр. 261).

Еще более непонятны мотивы связи и объединения непереходного («начать бродить; заходить») и переходного («испачкать, истрепать низ платья при ходьбе») в одном глаголе *забродить*. Достаточно сопоставить или поставить рядом два примера: *По небу забродили робкие тучки*. Эртель. Зап. Стеньяка; *Вот, как я, по милости вашей, платье-то себе истрепала, — сказала бойко mademoiselle Призына Павлу, покидая смену на заброженный низ своего платья*. Писем. Люди сорок годов (т. IV, стр. 254—255).

Словарные затруднения, относящиеся к формам страдательного залога, общеизвестны. Недостаток материалов и укоренившиеся представления о возможности образовать и употребить страдательную форму от любого действительного глагола приводят к тому, что ссылки на формы страдательного залога принимают принудительный и бессодержательный, а иногда и комический характер. Достаточно ограничиться несколькими примерами: *Засаживаются...* Страд. к засаживать. *Передник засаживается ребенком*. Ср. под словом *засаживание*: *Засаживание ребенком нагрудника* (т. IV, стр. 909); *Засмаркиваются...* Подвергаться засмаркиванию. *Платок засмаркивается* (стр. 910); *Засаживаются...* Подвергаться засаживанию. *Пол засаживается* (стр. 913); *Засаживаются...* Страд. к засаживать. *Зеркала засаживаются мухами* (стр. 895); *Заскабливаются...* Подвергаться заскабливанию. *Метка на доске заскабливается* (стр. 897); *Замываются...* Подвергаться замыванию. *Фартук быстро замывается* (стр. 699) и т. п.

Проблема связи и взаимодействия грамматических и лексических значений приобретает своеобразные качественные особенности применительно к предлогам, союзам и частицам. Но этот вопрос требует специального обсуждения.

V

В Академическом словаре, задача которого — отразить словарный состав русского литературного языка в его развитии на протяжении XIX в. и первой половины XX в. вплоть до наших дней, должна быть тщательно продумана система стилистических помет. Ведь литературно-стилистические нормы в области лексики, а следовательно, и стилистические оценки и оттенки многих слов подверглись в послепушкинскую эпоху существенным изменениям. Стилистика современной литературной речи отражает также разнообразные сдвиги и семантические преобразования в лексике, происшедшие в советскую эпоху. Как выразить и воспроизвести весь этот сложный

Для того чтобы найти удобный и легкий выход из затруднительного положения, были выдвинуты два компромиссных средства: 1) уменьшение стилистических квалификаций и 2) приближение к стилистическому восприятию современности. Поэтому призвано практичным (независимо от научных требований) освободить себя от стилистического анализа фразеологических оборотов, несмотря на то, что экспрессивно-стилистические оттенки многих из них явно связаны с ограниченной областью их употребления, с приуроченностью их к строго определенным разновидностям литературной речи. В результате остаются стилистически не закрепленными, например, такие выражения, как *взять за жабры* (стр. 8)¹, *прошу любить и жаловать* (стр. 21), *смех и жалость* (стр. 25), *поддать жару* (стр. 31), *гореть желанием* (стр. 52), *жеребьячь порода* (стр. 86), *класть (положить) живот (животы)* (стр. 121), *забить себе в голову, в башку что-либо* (стр. 224), *завубенная голова* (стр. 258), *заварить кашу* (стр. 276), *завилать хвостом* (стр. 299), *заганать копейку (деньгу и т. п.)* (стр. 361), *задавать, задать лататы (стрелка, бегуна, тягу и т. п.)* (стр. 393) и мн. др. под. Кроме того, даже применительно к лексико-стилистическим вариациям современной литературной речи, количество помет сокращено до предела. Применяются лишь пометы: *разг.* (разговорное слово), *простореч.* (просторечное слово, т. е. разговорное, но в придачку к этому «обладающее свойством грубовато понижать форму выражения»), *обл.* (областное слово), *устар.* (устарелое), *народно-поэт.*, *устар. быт.* («устарелое для современного быта или иного занятия, обычая и т. п.»), как, например: *заговенье, заговаривать, зашептывать болезнь, анахарь и т. п.*), *спец.* (специальное слово, относящееся к профессиональной или научно-технической терминологии).

В тех случаях, когда словам даны стилистические оценки, не всегда учтены связи и соотношения с близкими словами, не всегда определено место слова в кругу стилистически однородных или соотносительных лексических рядов. Например, слово *жалованный* характеризуется как устарелое (ср. *жалованная грамота*). Но в этом слове выделяется, повидимому, неправильное второе значение («то же, что награжденный»). Оно иллюстрируется примером из речи Устиньи Наумовны, персонажа комедии А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся»: *Подавай-ты ей беспрерывно купца, да чтоб был жалованный, да лошадей бы хороших держал* (стр. 20). Совершенно ясно, что если такое значение существовало, то для его стилистической квалификации недостаточно ссылки на устарелость — необходима еще социальная характеристика.

¹ Здесь и дальше указаны страницы IV тома Академического словаря.

(«Власть тьмы» Л. Толстого): ...я самый последний человек, сирота я, заблудуший я, а *заблудящий* — примерами из сочинений Салтыкова-Щедрина и Мамина-Сибиряка. Было бы правильное слово *заблудящий* отнести к разговорно-фамильярной речи. Любопытно, что в Академическом словаре разговорными считаются такие слова, как *жулябия* (стр. 189), *журьба* (стр. 194), *жадина* (так же, как и *жаднетъ*) и др. под.

Таким образом, границы между основными и почти единственными (кроме указаний на областные и устарелые слова) стилистическими категориями, признаваемыми Академическим словарем, проведены непоследовательно и неясно.

*

Итак, необходима углубленная разработка основных вопросов теории лексикографии на конкретном материале разных языков. Проблема омонимии, проблема фразеологических сочетаний слов, проблема структурных типов и разновидностей значений слова, система словообразования в ее внутренних связях, в соотношениях и взаимодействиях относящихся сюда категорий, ясное представление о всей разветвленной сети связей и соотношений грамматических форм и дополнительных лексических значений — вот тот круг первоначальных и первоочередных задач, исследование которых поможет улучшить качество наших толковых словарей русского языка.

В. В. Виноградов